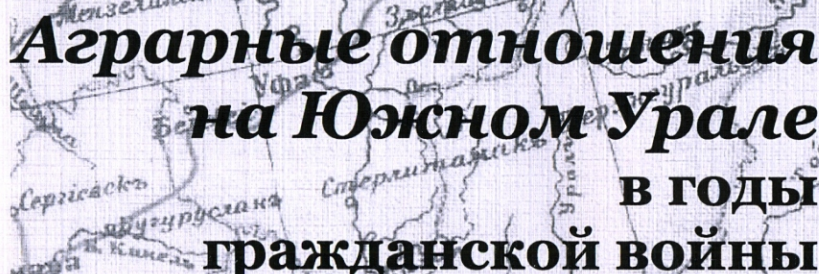

H19

M - 19

CA-387931

Аграрные отношения на Южном Урале в годы гражданской войны

Челябинск, 2009

Челябинский государственный университет
Институт гуманитарного образования
Исторический факультет

П. Ф. Назыров

+ OK

**Аграрные отношения
на Южном Урале
в годы гражданской войны**

Государственное бюджетное
Челябинск, 2009
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

са-387931

вф

Оглавление

Введение

Проблема исследования. Историография. Источники.

5

Глава 1. Южноуральская деревня и власть в 1917–1918 гг.

Специфика земельных отношений – антибольшевистское движение и создание новых органов власти – крестьянские съезды летом 1918 г. – разработка основ аграрной политики антибольшевистского лагеря.

26

Глава 2. Организация земельного дела на Южном Урале в условиях гражданской войны

Становление системы земельного дела – особенности земельной работы летом – осенью 1918 г. – распределение лесных материалов – община и обычное право – вне общины: разночинцы и припущенники – земельные собственники – крестьянское самоуправление и земельный вопрос.

66

Глава 3. Крестьянский вопрос в деятельности учреждений военной диктатуры

Формирование гражданской и военной администрации антибольшевиков на Южном Урале – реорганизация земельных учреждений – работа ведомственного земельного аппарата – принципы и противоречия аграрного курса.

103

Глава 4. Подготовка и проведение аграрной реформы в Оренбургском казачьем войске

*Особенности земельного устройства оренбургского казачества
— разработка аграрного вопроса в 1917 г. — казачество и совет-
ская власть — аграрная политика войскового правительства в
годы гражданской войны.*

134

Глава 5. Регулирование аграрных отношений на завершающем этапе гражданской войны: крестьянство и советская власть в 1919–1920 гг.

*Восстановление советской власти — организация земельного ап-
парата — практическая работа земельных учреждений — аграр-
ные отношения и продовольственная политика в деревне.*

170

Заключение

190

Примечания

200

Эп.

Введение

Развитие российского села в XX веке проходило под знаком постоянного реформирования. Тем не менее задача создания современного и эффективного сельского хозяйства остаётся по-прежнему нерешённой, что делает обращение к историческому опыту важным условием осмысления тех трудностей, с которыми сталкивается нынешняя деревня. Поворотным моментом хозяйственной и социальной перестройки сельского общества стали годы революции и гражданской войны. Тогда в условиях вооружённого противоборства и социально-экономического кризиса происходило складывание новой модели аграрных отношений, важнейшими характеристиками которой стали этатизм – постоянное и разностороннее вмешательство государства в жизнь деревни, и уравнительность – основа крестьянской «экономики выживания». Как большевики, так и их противники пытались опереться на людские и экономические ресурсы деревни, что заставило их сочетать в своей политике элементы принуждения с осуществлением мероприятий, учитывающих интересы различных групп сельского населения. Сравнительный анализ этих мероприятий является необходимым для воссоздания целостной картины революционной эпохи, изучения процессов взаимодействия города и деревни, места в нём региональных (провинциальных по своему характеру) институтов.

Последнее тем более важно, что именно региональный и местный «проблемный багаж» преимущественно определял характер и формы подключения отдельных территорий («провинциальных обществ») к общероссийским социальным и политическим процессам. Это обусловило существенные региональные отличия в политике как «красных», так и «белых». В нашем исследовании мы попытаемся рассмотреть реалии регулирования аграрных отношений на примере Южного Урала – Уфимской и Оренбургской губерний, где тесно переплетались интересы традиционной деревни и формирующихся в условиях развития аграрного капитализма предпринимательских слоёв. Аграрный характер обеих губерний подчёркивался преобладанием сельского населения, составлявшего в 1914 г. в Уфимской 93 % от 3099 тыс. жителей,

а в Оренбургской – 85 % из 2147 тыс. человек. Около половины Оренбургской губернии занимали земли Оренбургского казачьего войска – третьего по численности в России (казачество составляло около 22,8 % населения губернии).

Уже летом 1918 г. территория региона оказалась под контролем различных антибольшевистских режимов, поддержанных казачьим повстанческим движением и многочисленными крестьянскими выступлениями. Это позволяет сопоставить политику, проводимую в южноуральской деревне Комучем, Временным Сибирским правительством, а также правительством Оренбургского казачьего войска (на казачьих землях) с аграрными мероприятиями советской власти, дать оценку эффективности аграрного курса на примере одного из основных сельскохозяйственных районов на востоке страны. Важно отметить также, что Южный Урал и Зауралье отличались от многих территорий Сибири, представляя собой хорошо устроенные в административном отношении районы, где как красным, так и белым удалось наладить местное управление. Наличие здесь, наряду с крестьянским, значительно башкирского и казачьего землевладения, носившего сословный характер, обусловили сложный узел проблем в сфере земельных отношений, разрешение которых потребовало поиска гибкого механизма взаимодействия центральных и местных учреждений, органов казачьего и крестьянского самоуправления. Таким образом, изучение этой темы представляет интерес для исследования не только региональных особенностей социально-экономической политики, но и важных институциональных характеристик функционирования различных политических режимов в деревне, а также истории Оренбургского казачьего войска.

* * *

Историография вопроса стала формироваться уже в 1920 – 1930-е гг., когда появились первые работы, посвященные истории аграрной революции и гражданской войне на востоке России (военно-исторические исследования Н. Е. Какурина и А. И. Анишева, вышедшее в эмиграции исследование С. П. Мельгунова и др.¹). В работах советских авторов нашла отражение концепция двух социальных войн в деревне и, соответственно, двух этапов земельных преобразований (ликвидация помещичьего землевладе-

ния и перераспределение кулацких земель). Особенности аграрной революции выводились историками-марксистами 1920-х гг. (А. И. Хрящевой, С. М. Дубровским и др.) из противоречий капиталистического развития в стране полунатурального хозяйства, приводивших к экспроприации слабого крестьянства помещиками и помещичьим государством, борьба против которого объединила всё крестьянство. При этом «формулой переходного периода» стало требование отмены частной собственности на землю, являвшееся также «естественной реакцией против юридического разграничения земли по сословным правам владения», т. е. частью борьбы крестьян за социальное равноправие, а само землеустройство 1918–1919 гг. характеризовалось как «временное»².

Основу категориального аппарата и методологии историков составили партийные (прежде всего – ленинские) оценки периода гражданской войны, а основными критериями научности стали партийность и классовый подход. Главное внимание исследователей сосредоточилось на изучении советских аграрных преобразований и их влиянии на социально-политическую и хозяйственную жизнь деревни. Сюжеты, связанные с внутренней политикой антибольшевиков, рассматривались через призму других вопросов и прежде всего – вопроса о колебаниях крестьянства в 1918–1919 гг. Аграрные программы различных политических сил получили некоторое отражение в публикациях по истории аграрной революции³.

Аграрная политика собственно антибольшевистских правительств получила отражение в ряде историко-мемуарных работ, изданных вскоре после гражданской войны. Среди них необходимо отметить книгу видного меньшевика и члена Самарского правительства И. М. Майского «Демократическая контрреволюция». Выводы автора характерны для той части социалистов, которые перешли на сторону советской власти, и должны были отразить это в оценках своей прошлой политической деятельности. Так, касаясь отношений Комуча и крестьянства, Майский отмечал «равнодушие» деревни к лозунгам Самарского комитета, непоследовательность и половинчатый характер всей социально-экономической политики социалистов⁴.

Осмысление опыта гражданской войны продолжалось и в эмиграции. Среди изданных в 1920–1930-е гг. работ преобладали

мемуары и публицистика. Можно выделить воспоминания члена омского правительства Г. К. Гинса, отмечавшего отсутствие у колчаковского совета министров однообразного взгляда на земельный вопрос, и подвергнувшего критике за нерешительность компромиссный вариант его решения, предполагавший передачу помещичьих земель государству⁵. Автором одного из немногочисленных специальных исследований колчаковского режима стал историк С. П. Мельгунов. Не будучи непосредственным участником событий на востоке России в 1918–1919 гг., он опирался на значительную документальную базу, воспоминания и свидетельства очевидцев, что позволило ему дать взвешенные и аргументированные оценки политики колчаковского правительства. Касаясь земельного вопроса и сравнивая аграрные программы колчаковского и других антибольшевистских режимов, он отметил, что декларация Омского правительства была демократичнее того, что предлагала партия кадетов на юге⁶.

Исходным положением для большинства советских авторов, касавшихся аграрной политики антибольшевиков, стало мнение о том, что «вопрос о земле был практически и исчерпывающим образом разрешён Октябрьской революцией. Белые правительства либо могли признать его как свершившийся факт, либо попытаться в этом отношении, как и во всех прочих, повернуть колесо истории обратно»⁷. Как отмечал военный историк Н. Е. Какурин, широко использовавший в своей работе документы и мемуары деятелей антибольшевистского лагеря, белые правительства попытались первоначально пойти по «среднему пути». Так, говоря о Комуче, он почти дословно повторил характеристику, данную политике комитета И. Майским: «комитет» формально признавал национализацию земли, но практически он не доводил до конца своих начинаний, не конфискуя поместий, которые ещё находились в руках прежних владельцев, и расплачиваясь полностью за приобретаемый помещичий хлеб. В проводимой «комитетом» мобилизации крестьянство увидело покушение на свою свободу. Декларацию по земельному вопросу колчаковского правительства он охарактеризовал, со ссылкой на мемуары Г. К. Гинса, как «топтание на месте»: будучи «безразличной» сибирскому крестьянству, она «не давала ничего конкретного и определённого» крестьянству приволжских губерний⁸. Вместе с тем, по словам Какурина, в своей практиче-

ской деятельности белые правительства «очень скоро сбивались на путь ничем не прикрытой реставрации». Важной стороной политики колчаковского режима стали также произвол и репрессии, на которые крестьянство ответило восстаниями⁹.

С. М. Дубровский среди причин, препятствовавших победе контрреволюции в деревне, называл произошедшее в результате революции «распыление» земель. Вместе с тем «расплавленное» состояние земли в России с неустановившейся среди массы крестьянства земельной собственностью создавало возможности (если допустить победу контрреволюции) для частичной реставрации прежнего аграрного строя, и в последующем – концентрации земель в руках сельской буржуазии¹⁰. Характеризуя реформаторский потенциал небольшевистского лагеря, он отмечал, что союз с буржуазией приводил мелкобуржуазные партии к фактическому предательству интересов крестьян. Вместе с тем политические и экономические причины «толкали» буржуазию на проведение хотя бы половинчатой аграрной реформы, одним из ключевых пунктов которой должен был стать вопрос о выкупе передававшихся крестьянству земель. Непопулярность и невозможность проведения такой реформы в условиях крестьянской революции заставляла буржуазные верхи выжидать, отложив реформирование земельных отношений¹¹.

Внимание уральских авторов, изучавших гражданскую войну, привлекали преимущественно моменты, связанные с вооружённым противоборством 1917–1919 гг. и советским строительством в регионе. Вместе с тем в работах И. Подшивалова, А. Кийкова, А. Тяняева, С. Петрова и ряда других авторов была предпринята попытка дать характеристику процессов, происходивших в южно-уральской деревне в условиях революции и гражданской войны, а также некоторых сторон аграрной политики «контрреволюции», в частности, аграрных программ казачьего и башкирского движений¹². А. Тяняев, в частности, отметил, что ликвидация помещичьего землевладения в чисто земледельческих районах края прошла почти незаметно. Во многих местах Приуралья и Зауралья кулак «играл руководящую роль в деревне», а проведение социализации и перераспределение земли внутри крестьянства носили незаконченный, полукompromиссный характер¹³.

Дальнейшее изучение истории революции и гражданской войны сопровождалось более глубокой разработкой аграрной

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66